

М. А. Дьяконов

**Древности русского права.
Том 3. Землевладение. Тягло.
Порядок обложения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. А. Дьяконов**
Древности русского права. Том 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения
/ М. А. Дьяконов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-6029-5

Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие.
Часть 354. 1904. Июль.

ISBN 978-5-4241-6029-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«о землевладѣніи вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впередъ» (470). Но въ главахъ о землевладѣніи вообще пришлось, конечно, говорить о землевладѣльцахъ и земледѣльцахъ и при томъ о нѣкоторыхъ ихъ группахъ впервые: о своеземцахъ, складникахъ, сябрахъ, поземщикахъ и бобыляхъ, захребетникахъ и подворникахъ. По системѣ, принятой авторомъ „Русскихъ древностей“, эти вопросы должны бы найти мѣсто въ первомъ томѣ, гдѣ разсматривается составъ населенія. Но не смотря на то, что этотъ томъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1902 г., когда уже указанныя темы были авторомъ разработаны, онѣ туда не включены. Все это не представляетъ существенной важности и могло бы въ значительной мѣрѣ быть устранено, если ко всѣмъ томамъ „Древностей“ будетъ присоединенъ общій указатель¹⁾.

Любопытное отмѣтить, почему произошло такое странное нарушеніе системы изложенія. Повидимому это всецѣло зависѣло отъ того, что автору только теперь, при изученіи хозяйственнаго быта, пришлось впервые подвергнуть изслѣдованію новую категорию источниковъ, которыхъ ему раньше не приходилось касаться, именно писцовыя книги. Новый матеріалъ далъ автору возможность не только пополнить отдѣлы уже разработанные раньше, но и исправить по существу нѣкоторые изъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Таково прежде всего мнѣніе о происхожденіи крестьянскаго волостного землевладѣнія. Защищаемая раньше точка зрѣнія, „что собственно черныхъ земель была волость“, и „что отдѣльные крестьяне приобрѣтали волостныя земли въ собственность“, при чемъ эта собственность распредѣлялась такъ, что крестьяне, „сдѣлавшес членами волости, освоили тѣ участки земли, къ которымъ примѣняли свой трудъ“, „въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла“ (Юр. Др. т. 1, изд. 1, стр. 214, 216)—эта точка зрѣнія теперь признана ошибочной (Ж. М. II. Пр. 1900, № 9, стр. 82—83). Авторъ возвращается къ мнѣнію Б. Н. Чичерина, который считаетъ собственникомъ волостной земли московскаго государя. Но это мнѣніе существенно дополняется указаніемъ на происхожденіе крестьянскихъ волостныхъ земель. По новому мнѣнію проф. Сергѣевича, этотъ видъ землевладѣнія вовсе неизвѣстенъ до-московской Руси и возникаетъ

¹⁾ Авторъ и самъ призналъ потребность въ указателѣ и присоединилъ таковой къ новому изданію „Лекцій и изслѣдованій“ 1903 г.

впервые въ московскихъ владѣніяхъ на почвѣ конфискованныхъ въ пользу великаго князя земель частныхъ владѣльцевъ.

Новгородскія писцовыя книги даютъ документальныя данныя для выясненія этого вопроса. Въ нихъ ни разу не упомянуто о землевладѣніи крестьянскихъ общинъ до конфискаціи Иваномъ Васильевичемъ земель у крупныхъ и мелкихъ новгородскихъ собственниковъ. Раньше тамъ были только своеземцы (земцы), т. е. частные собственники. У многихъ изъ нихъ земли были взяты на государя, а сами они переселены въ низовскіе уѣзды (старо- и новосведенные бояре и бояришки). Конфискованная земля частію раздавались въ помѣстье служилымъ людямъ, частію отдавались въ оброкъ крестьянамъ, которые и прежде жили на этихъ земляхъ въ качествѣ арендаторовъ у прежнихъ своихъ хозяевъ.

„Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ княземъ. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользованіе и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну взами́тъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: «то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія». Тѣ же земли назывались еще: волостными, тяглыми, черными“ (32).

Этому новому виду землевладѣнія дается слѣдующая характеристика: „Въ XV, XVI и даже XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не своеземцы, не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить земли, на которой они сидѣли, кому-либо въ помѣстье, или отдать монастырю и пр... Хотя крестьяне получали въ свое владѣніе боярскія земли по доброй волѣ великаго князя, а не въ силу своей просьбы, тѣмъ не менѣе владѣніе ихъ можетъ быть названо прекарнымъ, такъ какъ имѣетъ всѣ его свойства“ (33). Признакъ прекарности крестьянскаго чернаго землевладѣнія указанъ авторомъ только въ отдѣльномъ изданіи его статей: раньше о немъ рѣчи не было. Соответственно этому признаку было бы осторожнѣе иначе формулировать и слѣдую-

щій выводъ: „Въ Московскомъ государствѣ была произведена социальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія“ (37) ¹⁾.

Не было опредѣлено, какъ это владѣніе распредѣляется между волостью (общиной) и отдѣльными ея членами (крестьянами). „По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя. Пренія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государеву казну, но этотъ оброкъ опредѣляется не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, т. е. общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная“ (33).

Новая точка зрѣнія на вопросъ о происхожденіи волостныхъ общинъ безспорно чрезвычайно интересна. Если бы она и встрѣтила какія-либо серьезныя возраженія, все же за нею нельзя не признать той важной заслуги, что благодаря ей не только получаетъ точку опоры мнѣніе о правахъ государя на черныя земли, но дается и новая постановка вопросу о времени и условіяхъ возникновенія поземельной общины. Она возникаетъ на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. „Въ новгородскихъ пятнахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выража-

¹⁾ Авторъ, правда, въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что „городское прекарное владѣніе—та же собственность“ (231); но противъ такого отождествленія „прекарія“ и „собственности“ будутъ, пожалуй, возражать юристы.

лись такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка“ (423) ¹⁾.

Что же это за общины? Онѣ возникли изъ отдѣльныхъ прежнихъ имѣній или соединенія нѣсколькихъ въ одну волость, при чемъ на каждую назначается огульно оброкъ за старыи доходъ и также огульно оброкъ за угодыя, принадлежащія старымъ владѣльцамъ и послѣ конфискаціи приписанныя къ волостямъ. Оброкъ или оброки крестьяне должны были разметывать межъ себя по пашнѣ и по угодыямъ (122—124). Итакъ, разметъ и сборъ оброковъ составляютъ основное общее дѣло новыхъ волостей—общинъ, изъ котораго естественно вытекаетъ и рядъ другихъ. Но это новость. „До введенія этихъ новыхъ порядковъ, говоритъ авторъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ... Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обожной дани“ (124 пр., 131). Отсюда надо заключить, что общины—волости въ основѣ имѣютъ чисто фискальный характеръ. По существу эта мысль не нова. Высказанная впервые Б. И. Чичернымъ, она не одинъ разъ повторялась и въ „исторической литературѣ конца XIX в.“ Проф. Сергѣевичъ наглядно подтвердилъ ее на примѣрѣ новгородскихъ волостей, и въ этомъ его заслуга.

У читателя, однако, можетъ остаться одно не маловажное недоумѣніе. Если до введенія новыхъ порядковъ въ старыхъ владѣльческихъ деревняхъ не было никакихъ общихъ дѣлъ, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ найма пустыхъ деревень, какъ свидѣтельствуемъ авторъ, то какъ надлежитъ понять слѣдующее его утвержденіе:

„За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія-либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ-либо цѣловальниковъ, *раскладывать повинности* и т. д.“ (124 пр.). Если крестьяне владѣльческихъ волостей раскладывали повинности, то какъ съ этимъ примирить указаніе, что раскладка обожной дани составляла общее дѣло только одной деревни? При раскладкѣ же повинностей, въ зависимости отъ способа раскладки, мо-

¹⁾ „Первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку“ (125—126).

гли возникнуть общія дѣла волости и въ дѣлахъ поземельныхъ. Угадать точку зрѣнія автора я не берусь.

Но если крестьянское волостное землевладѣніе столь поздняго происхожденія, то любопытно установить, что же было раньше? Кто былъ субъектомъ правъ на землю? На основаніи новгородскихъ писцовыхъ книгъ проф. Сергѣевичъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „Типъ первоначальнаго новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, т.-е. частный собственникъ. Таковы бояре, начиная съ большихъ и оканчивая мелкими бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви“ (12). Но если таковъ дѣйствительно первоначальный смыслъ термина „своеземецъ“ или „земецъ“, то позднѣе наряду съ нимъ возникаютъ особые термины для обозначенія отдѣльныхъ классовъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы стали преимущественно называться боярами и бояришками, а ихъ владѣнія боярщинами, какъ монастырскія вотчины монастырщинами. Названіе „земцы“ сохранилось по преимуществу за болѣе мелкими собственниками. Здѣсь по видимому наблюдается то же явленіе, что и съ терминомъ „смердь“, служившимъ для обозначенія всего населенія въ отличіе отъ князя, а потомъ получившимъ болѣе узкое значеніе (Русск. Юрид. Древн., т. I, изд. 2, стр. 178—179). Но значеніе термина „земецъ“, какъ мелкаго землевладѣльца, уже давно отмѣчено въ литературѣ, какъ и дальнѣйшая судьба этого класса новгородскаго населенія: „мелкіе своеземцы вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей“ (14). Здѣсь проф. Сергѣевичу не пришлось добавить ничего новаго¹⁾.

Кромѣ вышеуказанныхъ субъектовъ правъ на землю, въ Новгородѣ землевладѣльцемъ является и государство. Изъ древнѣйшихъ договоровъ Новгорода съ князьями извѣстно, что тамъ существовали „особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ“ (20). Изъ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ видно, что существовали участки земли, которыми надѣлялись нѣкоторые изъ пригородныхъ новгородскихъ наместниковъ (21). Это несомнѣнные примѣры государственной собственности въ древней Руси.

¹⁾ Никитскій, Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, 40—41, 191—192; В. О. Ключевскій, Разборъ изслѣдованія г. Чечулина, въ 33-мъ Присужденіи награды гр. Уварова, 300—310.

Но существовали ли всѣ эти формы землевладѣнія и въ другихъ русскихъ земляхъ? Если относительно землевладѣнія физическихъ лицъ, монастырей и церквей, а затѣмъ и черныхъ волостей, дѣло представляется совершенно яснымъ, то относительно государственныхъ земель существуютъ сомнѣнія. Проф. Сергѣевичъ, однако, безъ колебанія говоритъ, что „новгородское землевладѣніе было общерусскимъ“, и что „въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси“ (14, 31). Въ частности относительно государственныхъ земель онъ считаетъ возможнымъ допустить, „что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижимости, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такіа отведенныя князю земли легко переходили въ наследственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были ли нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственный“ (22—23).

И одинъ примѣръ Москвы могъ бы предостеречь проф. Сергѣевича отъ обобщенія новгородскихъ порядковъ для всей древней Руси. Онъ не привелъ и не могъ привести никакихъ подтвержденій въ пользу догадки, что государственный земли существовали въ другихъ княженіяхъ. Наоборотъ, относительно послѣднихъ извѣстно нѣсколько примѣровъ, когда князья покупаютъ у частныхъ лицъ села и жертвуютъ ихъ церквамъ и монастырямъ или передаютъ по завѣщанію. Въ Новгородѣ же князьямъ было запрещено пріобрѣтать недвижимую собственность. И въ Москвѣ отсутствіе государственныхъ имуществъ надо объяснять не какою-то династическою случайностью, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, а болѣе глубокими причинами: кореннымъ

еще безразличіемъ сферъ публичнаго и частнаго права въ нашей, да и во всякой другой, древней исторіи учреждений.

Вслѣдъ за указаніями самого автора о полномъ безразличіи „государственныхъ и частныхъ владѣній государя“ въ теченіе всего московскаго періода читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ прочтетъ его возраженія по поводу мнѣнія о вотчинномъ періодѣ русской исторіи (24—25; ср. 247). Прежде всего невѣрно указаніе, что это мнѣніе возникло только на почвѣ указаннаго безразличія владѣній частныхъ государевыхъ и государственныхъ. Тоже безразличіе и въ теченіе того же времени наблюдается и въ сферѣ домашняго государева хозяйства и финансоваго государственнаго управленія. Самое понятіе „казны“ возникло въ сферѣ домашняго княжескаго хозяйства, а „государова казна“ включала безразлично государственное казначейство и личныя средства представителя власти. Это безразличіе не исчезло вполне и въ наши дни. Естественно думать, что въ XIV и XV вѣкахъ оно шло еще глубже. Можно спорить только о степени этого безразличія. Во всякомъ случаѣ сторонникамъ мнѣнія о вотчинномъ періодѣ вѣроятно хорошо извѣстны возраженія покойнаго Градовскаго Б. Н. Чичерину о томъ, что уже первые московскіе князья умѣли различать частную собственность отъ предметовъ государственнаго управленія ¹⁾. Имъ также вѣроятно не безызвѣстно мнѣніе самого проф. Сергѣевича, что Иванъ Калита первый внесъ взглядъ на государственную территорию, какъ на частную собственность, со всѣми его противогосударственными послѣдствіями; что у преемниковъ Калиты исчезла всякая государственная идея ²⁾. Вѣдь эти мнѣнія остаются въ силѣ? А если такъ, то и споръ съ сторонниками вотчиннаго періода долженъ получить другую постановку. Не то важно, можно ли и нужно ли выдѣлять особый вотчинный періодъ въ изложеніи нашей исторіи; важно то, какъ глубоко былъ проникнуть въ разныя эпохи нашъ государственный строй и быть чертами быта вотчиннаго или частноправового. А что онъ былъ этими чертами проникнуть, этого не можетъ отрицать и проф. Сергѣевичъ.

Слѣдующій очеркъ въ отдѣлѣ о землевладѣніи посвященъ вопросамъ о деревнѣ, селѣ и погостѣ. Главною вниманію автора сосредото-

¹⁾ Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. II, 129 и слѣд.

²⁾ „Какъ и изъ чего возникла территорія Московскаго государства“?, Новь, 1886 г., т. VIII, № 6, стр. 189 и 193; Русск. Юрид. Древц., т. I, изд. 1, стр. 52 и 61; изд. 2, стр. 55 и 64.

точено на строѣ древней деревни, ся размѣрахъ и населеніи. Типичною ея формой онъ признаеть деревню—дворь. Такой характеръ нашей старой деревни, представляющей „законченную, довѣющую самое себя единицу“, впервые выясненъ въ изслѣдованіи А. Я. Ефименки—„Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“. Проф. Сергѣевичъ вполне присоединяется къ этому выводу, хотя въ подробностяхъ значительно уклоняется отъ наблюденій своей предшественницы. Такъ онъ отрицаетъ, „чтобы нашъ древній крестьянскій бытъ имѣлъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ“ (56—57), хотя и допускаеть, что „въ большинствѣ случаевъ одnodеревенцы были, конечно, родственники“. Но этимъ и исчерпывается сходство съ задругой. „При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго быта. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую наклонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ“ (56—57). Это замѣчаніе надо принять, равно какъ и другое, что землепользованіе въ нашихъ старыхъ деревняхъ не заключало никакихъ признаковъ или даже зачатковъ общиннаго землевладѣнія. „Одnodеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣеть равное право на пользованіе землей; при общемъ—не непременно равное“. (119; ср. 362 и слѣд.). Однако, проф. Сергѣевичу не первому, послѣ появленія труда А. Я. Ефименки, пришлось отмѣтить неправильность сближенія нашего семейнаго быта съ задружнымъ и порядковъ землепользованія на крайнемъ сѣверѣ съ современными общинными. Первое сдѣлало М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, второе—И. Е. Энгельманомъ ¹⁾.

Но отнюдь не всѣ возраженія проф. Сергѣевича по поводу наблюденій и опредѣленій г-жи Ефименки могутъ быть приняты. Таково, напр., его мнѣніе о складникахъ. Онъ утверждаетъ, что „складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а одnodеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они одnodеревенцы. Они одnodеревенцы, а потому и складники, а не наобо-

¹⁾ М. Владимірскій-Будановъ, Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе. Унив. Изв. 1885; И. Энгельманъ, О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великороссіи, въ Трудахъ VI-го археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 1889.

ротъ“ (63). Другое мнѣніе высказала г-жа Ефименко: это люди, образовавшіе складочный капиталъ, на который и устроили какое-либо общее предпріятіе. Проф. Сергѣевичъ, такъ именно формулировавшій это мнѣніе, думаетъ опровергнуть его документально. Онъ приводитъ изъ описи Вотской пятины выраженіе „складникъ“ и говоритъ: „Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новгородскаго боярина землѣ. [Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадей, и даже денежную помощь, и нерѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складствѣ капитала на общее предпріятіе“ (59). Но такъ ли это? Арендаторъ чужой земли и при самомъ незатѣйливомъ хозяйствѣ не можетъ приняться за него, если у него нѣтъ ни топора, ни сохи, ни лошади, ни сѣмянъ, ни хлѣба на прокормъ до перваго урожая. А если всего этого, собственнаго или занятаго на сторонѣ подъ тѣми или другими условіями, нѣтъ, то не можетъ быть никакого хозяйства. Если же въ арендѣ участвуютъ двое, то они, конечно, участники общаго предпріятія, на какія бы средства оно ни велось: собственныя ихъ или занятыя. На той же и на предшествующей страницѣхъ разсматриваемой книги указано, что такіе соучастники назывались товарищами и пріятелями. Они же называются и складниками.

Было бы излишне подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ послѣ статьи о складникахъ М. В. Ключкова (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1901, № 11). Тамъ собрано достаточное число документальныхъ данныхъ о складствѣ для общихъ предпріятій на основаніи особыхъ „складныхъ записей“ и „складныхъ грамотъ“, при чемъ складочный капиталъ назывался „складнымъ животомъ“. Тамъ же правильно указано, что складниками назывались и лица, соединяющія въ общемъ предпріятіи свой трудъ и пользующіяся совмѣстно результатами своихъ трудовъ.

Но вотъ на чемъ остановиться поучительно. Проф. Сергѣевичъ, говоря о складникахъ, въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ одно мѣсто изъ труда г-жи Ефименки, которая „говоритъ, что у ней „есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересныя образчики договорной, искусственной семьи.

Одинъ крестьянинъ продасть другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составлять одну семью: пить и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ волчьего живота, и та намъ своя деревня пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино, и въ промысла ходить и посылать изъ волчьего живота". По поводу приведеннаго мѣста проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: „Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣликомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, надо думать, у каждаго были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домысль г-жи Ефименко. Семья—это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и на охоту ходятъ вмѣстѣ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это опять домысль автора. Документъ, въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ, къ складству вовсе не относится“ (68 и слѣд.). Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя совершенно очевидно, что приведенный отрывокъ представляетъ собою выдержку изъ складной записи или грамоты, хотя, можетъ быть, подлинникъ и не носить такого названія. Можетъ быть, и участники этого договора не названы въ немъ складниками. Но развѣ это мѣняетъ дѣло? Да и можно ли такъ строго относиться къ терминологіи нашихъ древнихъ памятниковъ, если и въ настоящее время сплошь и рядомъ, даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, можно встрѣтиться съ неточными опредѣленіями и выраженіями? Самъ проф. Сергѣевичъ упрекаетъ въ этомъ г-жу Ефименку, какъ видно изъ приведенной цитаты. Но правъ ли онъ? Развѣ не видно изъ приведенной цитаты, что терминъ „семья“ употребленъ въ ней въ переносномъ значеніи, почему и прибавленъ къ термину „семья“ эпитетъ „искусственная“? Извѣстно, что проф. Сергѣевичъ отличается особымъ даромъ яснаго и точнаго изложенія. Но развѣ и у него нельзя встрѣтить уклоненій отъ строгой терминологіи? Въ примѣрахъ недостатка не будетъ. Для иллюстраціи можно ограничиться терминомъ „семья“, точное значеніе котораго даетъ онъ самъ въ только что приведенной выдержкѣ. Согласно этому опредѣленію южно-славянскую задругу нельзя назвать большой семьей, такъ какъ задруга объемлетъ многія семьи. Но проф. Сергѣевичъ на стр. 57 говоритъ, что „за-